

Ф.А. Михайловский

К вопросу о реально-правовом значении трибунской власти Августа

Статья посвящена изучению свидетельств об использовании трибунских прерогатив Августом и его преемниками. Автор считает, что трибунская власть принцепса имела не только идеологическое, но и реально-правовое значение.

Ключевые слова: трибунская власть, принципат Августа.

Для правового оформления своего господствующего положения в государстве Октавиан Август использовал два магистратских компонента власти: империй и трибунскую власть. В 23 г. до н. э. он отказался от консульства и принял вместо этого трибунскую власть. При этом Август сохранил за собой империй, поскольку еще в 27 г. до н. э. получил под свое управление несколько провинций (в научной литературе этот империй принято называть «проконсульским»). Соединение проконсульского империя и трибунской власти было необычным в государственно-правовом отношении: «изобретением» Августа, по выражению А.Г. Рооса [10: с. 675]; «новой и особой формой», по выражению Д. Тимпе [12: с. 7]; по существу, это соединение и стало формулой императорской власти на весь период раннего принципата.

Оценивая оба компонента императорской власти, исследователи ставят акцент на большом идеологическом значении трибунской власти, так сказать, маскировавшей империй, который в свою очередь имел реально-правовое значение и служил основной опорой правителю [3: с. 94–97]. Такая оценка двух компонентов власти принцепса во многом вызвана тем бесспорным обстоятельством, что именно армия служила главной опорой режима. Но в определенной мере — также и невысокой оценкой компетенции и конституционных возможностей трибунской власти. Например, Э.Т. Сэлмон рассматривал получение Августом в 22 г. до н. э. права созывать по своему усмотрению сенат, в 19 г. до н. э. знаков консульской власти, в 8 г. до н. э. специальных полномочий (ценз на основе консульского империя), в 5 и 2 гг. до н. э. консульства как показатель недостаточности прерогатив трибунской власти [11: р. 471, 473–474, 478].

Можно согласиться с Э.Т. Салмоном относительно конституционного дополнения 22 г. до н. э., о котором сообщает Дион Кассий (Dio., LIV, 3, 3). Дело в том, что, как указывает Варрон у Авла Геллия, консулы и преторы обладали по сравнению с плебейскими трибунами преимущественным правом на созыв сената (Aul. Gell., XIV, 7, 4). Может быть, именно в связи с этим потребовалось предоставить принцепсу особое право. Однако дополнения 19 и 8 гг. до н. э., как и консульства (не на полный срок) в 5 и 2 гг. до н. э., скорее, имеют отношение к характеристике другого компонента императорской власти — империя. Этот империй, как и трибунская власть, был принят без магистратуры, он тоже был властью без должности, так что не трибунской власти недоставало каких-то прерогатив, а самому Августу недоставало магистратского статуса.

Более важный аргумент состоит в том, что источники сообщают очень немногое о применении Августом трибунской власти. Действительно, в источниках об этом содержится так мало сведений или же они настолько неопределенны, что на их основе оказывается возможным говорить как о незначительности реально-правового содержания трибунской власти, так и прямо противоположное. Так, концепция М. Гранта об использовании трибунской власти Августом в качестве формальной базы для проведения его *auctoritas* в сенате, результатом чего были многочисленные сенатские постановления [3: с. 93; 7], не противоречит данным источников. Но, по крайней мере, неизвестно, использовалась ли трибунская власть для того, чтобы послать проконсула на Кипр (ILS, 915) или учредить новые должности, которые формально учреждались декретом сената, но инициатива их учреждения исходила от самого Августа (Dio., LIV, 1, 4; Suet., Aug., 37).

К тому же имеются случаи, когда сенатское постановление выносилось явно без использования трибунской власти (Ed. Cug., V) или когда *auctoritas* Августа использовалась помимо сената и независимо от какого-либо формального действия (Ed. Cug., I). Кроме того, в более поздние времена сенатские постановления проводились «*auctore principe*» (ILS, 983), «*auctore imperatore*» (ILS, 986), «*auctore divo Claudio*» (ILS, 6043).

Трудно сказать, использовалась ли в некоторых из подобных случаев трибунская власть, но есть и прямые указания источников о действительном использовании трибунской власти, хотя их немного. Однако эти свидетельства трактуют различно.

Самое важное среди них — это указание самого Августа, что на основании трибунской власти он проводил в 19, 18 и 11 гг. до н. э. законы, реформировавшие семейную жизнь: «...то, что тогда сенат через меня совершить пожелал, я выполнил, пользуясь трибунской властью» (R. g., 6, 2). Н.А. Машкин считал, что «это заявление Августа опровергают данные Светония (Aug., 27) и Диона Кассия (Dio., 54, 10; 54, 30)» [1: с. 394, сн. 80]. Но, как принято считать, Август мог быть избранным «надзирателем над законами и нравами», но законы о нравственности провести на основании трибунской власти [5: р. 433, п. 116].

Утверждение самого Августа, безусловно, предпочтительнее, тем более что Светоний в указанном месте сообщает не о проведении законов о нравственности (об этом речь идет в другом месте сочинения — Suet. Aug., 34, 1), а о проведении переписи населения: «...в силу этого полномочия (надзора за нравами и законами. — *Ф. М.*) он три раза производил народную перепись, хотя и не был цензором: в первый и третий раз — с товарищем, в промежутке — один» (Suet. Aug., 27, 5; перевод М.Л. Гаспарова). Однако Светоний допустил здесь неточность: перепись населения Август производил, пользуясь консульской властью, как он сам об этом подробно сообщает (R.G., 8, 2–4) в 28 г. до н. э. (с Агриппой), в 8 г. до н. э. (один) и в 14 г. н. э. (с Тиберием).

А.Х.М. Джонс верно заметил, что Августу едва ли было необходимо самому проводить свои законопроекты, поскольку он вполне мог использовать для этого консулов и действительно в ряде случаев использовал их. Но ученый едва ли обоснованно считает свое наблюдение доказательством ненужности трибунских конституционных прерогатив. Аналогичным образом он рассуждает также о *ius consulendi senatus* [9: p. 10–11]. Но трибунская власть не сводилась только к этим двум правам, хотя при желании то же рассуждение можно было бы отнести и к остальным трибунским прерогативам, найдя замену даже трибунскому «вето». Наблюдение А.Х.М. Джонса, напротив, объясняет, почему трибунских законов самого Августа немного, но тем важнее становится факт их существования.

Кроме того, источники содержат сведения о применении трибунских прерогатив преемниками Августа. Во-первых, это свидетельство Тацита о том, что после его смерти Тиберий созвал сенат на основании своей трибунской власти (Tac. Ann., I, 7). По мнению А.Х.М. Джонса, это было всего лишь демонстрацией со стороны Тиберия того, что он пользуется этой властью. «А это, наверняка, подразумевает, что Август обыкновенно не использовал ее», — заключает А.Х.М. Джонс [9: p. 11]. Он, таким образом, из одного произвольного предположения выводит другое такое же. Дж. Чилвер рассматривает это место у Тацита как доказательство того, что формальное использование трибунской власти для созыва сената имело место только в исключительных случаях [5: p. 434].

Однако при отказе в 23 г. до н. э. от консульства Август, конечно, не мог остаться без права на созыв сената, на изложение в сенате различных вопросов и председательствования на заседаниях — и не только для исключительных обстоятельств. Эти прерогативы были трибунскими, но, кроме того, по сообщению Диона, сенат «предоставил ему право делать доклад на каждом заседании сената, по любому вопросу и в любое время, когда он пожелает, даже не будучи консулом» (Dio., LIII, 32, 5; перевод А.В. Махлаюка). Взаимодействие принцепса и сената было крайне важным в деле управления государством.

Из закона об империи Веспасиана (ILS, 244) следует, что сенат мог созываться принцепсами тремя способами. Во-первых, *ex iussu eius*, т. е. по прямой инициативе принцепса. Во-вторых, *ex mandatu eius*, т. е. путем поручения

другому магистрату. И, в-третьих, *ex voluntato auctoritateve... eius*, т. е. «согласно его воле и авторитету». П. де Франчиши, который вслед за А. Премерштейном исследовал эти три возможных варианта, согласился с немецким ученым, что первый из них основан на трибунской власти. Третий вариант, по мнению А. Премерштейна, основан на *auctoritas*, что П. де Франчиши считает незаконным, но возможным. Он высказывает предположение, что третья формула документа связана с предоставлением Августу в 22 г. до н. э. права созывать сенат когда угодно и по какому угодно случаю [6: р. 57], о котором говорилось выше.

По-видимому, у трибунов не было права созывать сенат когда угодно и по любому поводу [11: р. 469], но сомнительно, чтобы это право было связано с *auctoritas*, которая не имела легального значения, по крайней мере, при Августе [1: с. 384–389; 11: р. 459–460]. Третий вариант созыва сената, упоминаемый законом об империи Веспасиана, действительно мог иметь в виду *auctoritas*, но он не может иметь отношения к закону 22 г. до н. э. Слова «*ex voluntato auctoritateve eius*» взяты из третьей клаузулы (строки 7–9) документа, а она как раз не содержит ссылки на прежних императоров. Можно предположить, что в 22 г. до н. э. было просто сделано дополнение соответствующего трибунского права. Это понятнее с формальной стороны, чем установление новой, самостоятельной прерогативы, которая к тому же делала ненужным уже имевшееся трибунское право.

Созыв сената Тиберием имел место действительно в особой ситуации. Но дело не в том, что трибунская власть годилась только для исключительных обстоятельств, как указывал Дж. Чилвер. Если трибунская власть принцепса (значит, и его соправителя) с 22 г. до н. э. включала в себя первоочередное право созывать сенат в любое время и по любому поводу, то использование ее Тиберием вполне естественно. Если же в 22 г. до н. э. для Августа все же было установлено отдельное право созыва сената, то и тогда у Тиберия просто не было выбора, на основании какой власти созывать сенат. Для него не проводился закон, подобный закону 22 г. до н. э., и он не обладал *auctoritas* Августа.

В источниках имеются также сведения об апелляции римских граждан и провинциалов к суду Августа. Об этом сообщает Светоний (Aug., 33, 3), кроме того, из второго эдикта из Кирены известно, что проконсул Крита и Киренаики направил двух римских граждан и одного вольноотпущенного в Рим, чтобы Август сам разобрался в их деле (Ed. Суг., II). Из «Деяний апостолов» известен случай апелляции римского гражданина (апостола Павла) к суду императора (Acta Apost., 22; 25). Юрисдикцию императора в этих случаях обыкновенно связывают с империем, а не с трибунской властью [1: с. 404–405; 4: р. 12], хотя соответствующие прерогативы имела именно последняя. Народные трибуны обладали юрисдикцией уже в ранний период, по крайней мере, после децемвирата. Их юрисдикция постепенно развилась из права помощи, и право апелляции самым тесным образом связано с возникновением и развитием трибунской власти. Нет ничего

невозможного в том, что в указанных случаях имелась в виду именно трибунская власть. Подтверждение тому — использование Тиберием на Родосе трибунской власти для ареста и отдания под суд, о чем сообщает Светоний (Suet. Tib., 11, 3). Этот пример является очевидным даже для тех исследователей, кто в целом связывает юрисдикцию императоров с империем [4: p. 12].

Известны также примеры применения принцепсами после Августа трибунского права интерцессии: Тиберием (Tac. Ann., II, 70), Клавдием (Dio., 60, 4, 5) и Нероном (Tac. Ann., XIV, 48; XVI, 11). Правда, в первых двух случаях в источниках нет упоминания трибунской власти, хотя ее можно здесь предполагать. Зато определенно сообщается, что Нерон дважды использовал трибунское право на интерцессию.

Конечно, примеров применения императорами трибунского вето немного, но следует принять во внимание, что обычно предложения не излагались перед сенатом прежде, чем их одобрял император, а если все же такие предложения выносились на обсуждение, они могли быть отклонены просто выражением мнения императора, без формального использования вето, и соответствующий пример также встречается у Тацита (Ann., III, 52–55).

В источниках, таким образом, имеются сведения об использовании трибунской власти как Августом, так и последующими императорами, причем о применении основных ее прерогатив. Из них самым важным было право на интерцессию. Дело в том, что режим Августа должен был обеспечить еще одно, не менее важное, чем законодательство, условие: устранить всякую возможность легальной, конституционной борьбы против новой власти. Трибунское вето было как раз таким оружием, значение которого следует видеть не только в случаях практического применения, но и в потенциальных возможностях.

Формально то же оружие оставалось у коллегии плебейских трибунов, сохранившейся при принципате в числе других магистратур. Но фактическая беспомощность трибуната общеизвестна. При Августе трибунат лишился как практического значения, так и престижности. Бывали годы, когда не доставало кандидатов в трибуны (Dio., LIV, 26, 7; 30, 2; LVI, 27, 1). Принятие Августом в 23 г. до н. э. полной трибунской власти, таким образом, как бы устранило трибунат, чьи прерогативы могли быть опасными для нового режима.

Право представлять народ и защищать его интересы взяли на себя императоры. Слова Диона о том, что Август пользовался трибунской властью, но трибуном не был (Dio., 53, 32, 6), показывают, что он не считался магистратом, а значит, и коллегой трибунов, и вето последних на него не распространялось. Но зато трибунское вето самого Августа было едва ли не абсолютным, как в последующем вето других императоров. Как пишет Дион Кассий, «так называемая трибунская власть, которую прежде получали лица, снискавшие немалую известность, дает им возможность запретить действие любого другого должностного лица, если они с ним не согласны, и защитить себя

от оскорблений, ибо если, по их мнению, им причинена хоть самая ничтожная обида не только делом, но и словом, они имеют право убить обидчика без суда, как святотатца» (Dio., 53, 17, 9; перевод А.В. Махлаюка).

Была, наконец, еще одна практическая, реально-правовая необходимость в трибунской власти. Дело в том, что характерной чертой монархии является передача верховной власти по наследству, но принципат, согласно официальной пропаганде, был «восстановленной республикой», а потому нуждался не только в государственном оформлении власти правителя, но и в оформлении передачи власти. В этом отношении ничто другое не имело такого значения, как государственные правовые элементы императорской власти, а единственным легальным способом ее передачи преемнику становилось соправление (подробнее: [2]). При этом именно трибунская власть играла особую роль. Август, по его собственным словам, пять раз просил и получал от сената коллегу по трибунской власти (R. g., 6, 2). Следует отметить, что его коллегами каждый раз становились только предполагавшиеся наследники. Созыв Тиберием сената после смерти Августа как раз показывает, что трибунская власть преемника была достаточной, чтобы обеспечить конституционное оформление нового принципата.

Литература

1. *Машкин Н.А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л.: АН СССР, 1949. 687 с.
2. *Михайловский Ф.А.* Роль трибунских полномочий при передаче власти в период первых принципсов // «Древнее право. IVS ANTIQVVM». 1996. № 1. С. 129–134.
3. *Михайловский Ф.А.* Магистратские компоненты власти Августа в зарубежной историографии // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2009. № 1 (3). С. 88–100.
4. *Brunt P.A., Moore J.M.* The achievements of the Divine Augustus. Oxford: Oxford University Press, 1967. 90 p.
5. *Chilver G.E.F.* Augustus and the roman constitution 1939–50 // *Historia*, Wiesbaden, 1950, B. 1, 3. P. 408–435.
6. *Francisci P. De.* Genesi e struttura del principato Augusteo. Roma: Reale Accademia d'Italia, 1941. 114 p.
7. *Grant M.* From imperium to Auctoritas. A historical study to aes coinage in the Roman empire 49 b. c.–a. d. 14. Cambridge: Cambridge University Press, 1946. XVII, 510 p.
8. *Hammond M.* The Augustan principate in theory and practice during the Julio-Claudian period. New York: Published by Russell and Russell, 1968. X, 341 p.
9. *Jones A.H.M.* Studies in Roman government and law. New York: 1968. VIII, 243 p.
10. *Roos A.G.* De verleening van tribunicische bevoegdheden aan Caesar en Augustus // *Med. der Nederlandsche Akademie van Wetenschappen*. 1941. N. s. IV. № 16. S. 675–695.
11. *Salmon E.T.* The evolution of Augustus' principate // *Historia*. Wiesbaden, 1956. B. V. H. 4. P. 456–478.
12. *Timpe D.* Untersuchungen zur Kontinuitat des fruhen Prinzipats // *Historia*. Wiesbaden, 1962. H. 5. Einzelschriften. 133 s.

Literatura

1. *Mashkin N.A.* Principat Avgusta. Proisxozhdenie i social'naya sushhnost'. M.; L.: AN SSSR, 1949. 687 s.
2. *Mixajlovskij F.A.* Rol' tribunskix polnomochij pri peredache vlasti v period pervy'x princepsov // «Drevnee pravo. IVS ANTIQVVM». 1996. № 1. S. 129–134.
3. *Mixajlovskij F.A.* Magistratskie komponenty' vlasti Avgusta v zarubezhnoj istoriografii // Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki». 2009. № 1 (3). S. 88–100.
4. *Brunt P.A., Moore J.M.* The achievements of the Divine Augustus. Oxford: Oxford University Press, 1967. 90 p.
5. *Chilver G.E.F.* Augustus and the roman constitution 1939–50 // Historia, Wiesbaden, 1950, B. 1, 3. P. 408–435.
6. *Francisci P. De.* Genesi e struttura del principato Augusteo. Roma: Reale Accademia d'Italia, 1941. 114 p.
7. *Grant M.* From imperium to Auctoritas. A historical study to aes coinage in the Roman empire 49 b. c.–a. d. 14. Cambridge: Cambridge University Press, 1946. XVII, 510 p.
8. *Hammond M.* The Augustan principate in theory and practice during the Julio-Claudian period. New York: Published by Russell and Russell, 1968. X, 341 p.
9. *Jones A.H.M.* Studies in Roman government and law. New York: 1968. VIII, 243 p.
10. *Roos A.G.* De verleening van tribunicische bevoegdheden aan Caesar en Augustus // Med. der Nederlandsche Akademie van Wetenschappen. 1941. N. s. IV. № 16. S. 675–695.
11. *Salmon E.T.* The evolution of Augustus' principate // Historia. Wiesbaden, 1956. B. V. H. 4. P. 456–478.
12. *Timpe D.* Untersuchungen zur Kontinuitat des fruhen Prinzipats // Historia. Wiesbaden, 1962. H. 5. Einzelschriften. 133 s.

F.A. Mikhailovsky

**On the Problem of the Real and Legal Importance
of the Tribunician Power of Augustus**

The article is devoted to investigation of evidences about use of tribunician prerogatives by Augustus and his successors. The author considers that tribunician power of princeps had not only ideological but also real and legal importance.

Keywords: tribunician power; principate of Augustus.